

РАЗВЕДКА

41го

**АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ**

**СВИНЦОВЫЕ
СУМЕРКИ**

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Свинцовые сумерки / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-198413-7

Немцы готовят план ликвидации Курского выступа — стратегически опасного плацдарма для вермахта. Чтобы получить достоверные данные о действиях гитлеровцев, советское командование забрасывает во вражеский тыл группу разведчиков капитана Глеба Шубина. Бойцам удается выяснить, какие части и в каком количестве противостоят Красной армии на этом участке. Но на обратном пути группа попадает в засаду. Понимая, что полученные сведения должны быть доставлены в штаб любой ценой, Шубин решается на смертельный прорыв...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-198413-7

© Тамоников А.А., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ГЛАВА 1

Капитан военной разведки Глеб Шубин замер от неожиданности на пороге домика. Он только прибыл в штаб 6-й армии вместе с остальным пополнением из тыла и был удивлен раздавшимся со всех сторон радостным восклицаниям. Молодой человек прижал ладонь к козырьку фуражки и отчеканил:

— Капитан Шубин, прибыл во 2-ю часть 12-й дивизии 6-й армии...

Его тут же обняла за плечи чья-то рука, в ухо гаркнул веселый голос:

— Ошибаешься, капитан, прибыл ты в 6-ю гвардейскую Краснознаменную армию! Вот! — перед глазами мелькнул желтоватый лист депеши с серыми буквами приказа.

Он успел цепким взглядом выхватить главные слова «Сформировать... Главкомандующий Ставки...» и, набрав побольше воздуха в легкие, сказал:

— Поздравляю, товарищи! Рад буду служить вместе с вами!

В ответ одобрительно загудели веселые голоса:

— Вот это по-нашему, по-офицерски!

— Бравый вояка прибыл! Ну-ка, давай, за гвардейскую прими!

Перед лицом в сизом от пыхтящих самокруток и папирос дыму мелькнула облупленная металлическая кружка с прозрачной жидкостью — фронтовые сто грамм. Глеб задержал дыхание, пока жидкий огонь прокатывался по горлу, и выдохнул, когда тепло разлилось в груди:

— За Родину! За победу!

В ответ ему вторили крики «Ура! За Победу!». Вокруг смеялись, говорили, поздравляли друг друга офицеры, служащие штаба, командиры подразделений — небольшая комната была полна народа в гимнастерках, с кружками и походными фляжками

в руках. Люди шумели, обнимались, угощали друг друга, звонко чокались металлическими боками посуды, отмечая почетное звание. В Красной армии ведь «гвардейская» означает, что военная часть является образцово-показательной и особое звание получила за мужество, героизм и воинское мастерство, проявленное в сражениях с врагом.

В открытые окна лился потоком аромат сирени, которая белела пышной пенной волной вокруг уцелевшего здания сельского клуба, добавляя маленькому празднику мирные нотки. Деревенские мальчишки облепили крошечное крыльцо и пристенки клуба, пытаясь по звукам определить, что за торжество проходит у военных, которые расположились в их поселке. Улыбки, радость переполняли грудь от ощущения близкой мирной жизни. Казалось, вот-вот будет победа, осталось совсем немного, еще чуть-чуть, и враг освободит многострадальную советскую землю. Под Сталинградом Красная армия разгромила гитлеровские войска, заставила остановить свое кровавое наступление, развернуться и бежать прочь с огром-

ными потерями. И это переломило ход сражений, дало ощущение уверенности, что они смогут защитить свою Родину. Теперь Советский Союз километр за километром возвращал себе захваченную врагом землю, отвоевывал, вырывал из лап фашистов каждый город, деревню, село. Приятная мысль о скорой победе кружила голову сильнее, чем глоток фронтового спирта или пряный запах цветущей сирени.

Глеб Шубин втянул во всю мощь легких густой аромат сирени, протянул руку и сорвал за окном ветку в мелких нежных лепестках. Пальцы ловко воткнули гибкий стебелек в тугой узел черных кудрей стоящей рядом радистки. Та в ответ на хулиганскую выходку только тепло улыбнулась и приладила неожиданный подарок в глубину черных волос. Они снова обменялись теплыми улыбками без единого слова, отчего у мужчины защемило в груди — как же он счастлив сейчас, живой молодой человек, а не опытный капитан фронтовой разведки, который повидал много за три года войны.

На спину в пыльной после дороги гимнастерке легла вдруг тяжелая рука, низкий бас прогудел прямо в ухо:

— Капитан Шубин, генерал Ростов. Твой командир, поздравляю с прибытием.

Глеб, мгновенно вернувшись в реальность прифронтовой территории, сунул руку в нагрудный карман за документами:

— Товарищ генерал, вот документы. Извините, только зашел, а тут праздник. Потерял бдительность.

Генерал-майор Николай Ростов, высокий мужчина с острыми стрелками усов над узкой верхней губой, лишь кивнул в ответ. Болтать он не привык, военная специальность приучила его чаще молчать и приглядываться к собеседнику, высматривая в чужих жестах, манере разговора характер и помыслы нового подчиненного. Коротким движением головы Ростов позвал капитана за собой, подальше от веселой компании в штабе части. Они прошагали за дом, и деревенские ребятишки, увидев их, словно воробьи, рассыпались в разные стороны. Военные свернули по утопанной дорож-

ке между уцелевших изб, потом спустились вниз по склону и оказались у большого деревянного строения, которое раньше служило огромным хранилищем колхозного урожая. Сейчас здесь висело грязно-белое полотнище с красным крестом — санитарный пункт военной части, расположившийся внутри и вокруг хранилища. Рядом с дверью стояли ведра с водой, лежал ворох окровавленных перевязок, приготовленных к стирке. Здесь не было слышно смеха, радостных поздравлений. Было тихо и мрачно.

Перед тем как толкнуть дощатую дверь, Ростов наконец внимательно посмотрел в уставшее запыленное после дороги лицо разведчика:

— Капитан, времени на объяснения нет. Сейчас сам поймешь, почему так говорю. Внимательно слушай и запоминай.

Он шагнул в глубину полумрака, осторожно придерживая дверь, за ним проследовал Глеб, всматриваясь в белые пятна вокруг. Когда глаза привыкли к темноте, он увидел, что в хранилище лежат люди — раненые полевого госпиталя. Они лежали на самодель-

ных лежанках из досок, кучах старой соломы и были укрыты одеялами или простынями. На некоторых полотнищах проступили кровавые разводы от страшных ран, но никто не стонал и не кричал. Изувеченные бойцы терпеливо лежали, сжимая зубы, чтобы вынести терзающую раны боль. Санитарка в застиранном переднике метнулась к генералу Ростову:

— Быстрее, быстрее же, плоха она совсем.

Командир молча кивнул и в три быстрых шага оказался в углу, где под гимнастеркой в багровых пятнах лежала девушка. Черные волосы скатались в колтуны с кусками сухой травы и грязи, бледное личико запрокинулось, даже под толстым сукном было видно, как ее маленькое тело ходит ходуном от тяжелой лихорадки. При звуке шагов больная открыла блестящие черные глаза. Глеб вдруг с ужасом понял, что перед ним совсем ребенок, девочка лет тринадцати. Генерал с нежностью провел по волосам девочки и поправил сползающую накидку:

— Варя, я — Николай Ростов, командир разведподразделения. Со мной развед-

чик, капитан Шубин. Врач передал мне, что ты хочешь что-то рассказать.

Сухие губы прошептали еле слышно, так что мужчинам пришлось наклониться почти к самому рту Вари:

— Сбежала я, сбежала из Ивни, где у фашистов штаб. Они меня посудомойкой взяли при столовой, год на них работала, сестренки и мать кормить надо было. Я по-немецки понимаю, мама научила по учебникам. Они промеж собой разговаривали про «Цитадель», готовится операция. Так ее называют фрицы — «Цитадель». Рубежи строят, дайте карандаш, я нарисую план.

Ростов щелкнул планшетом, зашуршал бумагой. Девочка на секунду прикрыла глаза, чтобы передохнуть. Ее грязные пальчики в ссадинах и коростах вдруг нащупали крепкую ладонь Шубина, она с трудом прохрипела:

— Маму я бросила и сестренки, неделю шла по лесам. К нашим выходила. Мама меня отправила, она сказала, что важно это. Про цитадель. Нельзя немцам дать обратно развернуться.

По горячей коже, тяжелому свисту в груди после каждого слова Глеб понял: у девочки воспаление легких, ее хрупкое тело сейчас мучает страшная ломота и лихорадка, выкручивая кости, затемняя сознание. И все же она через силу говорит, тратя последние капли жизни на важную информацию:

— Я долго шла через лес, днем пряталась, а ночью шла. Самолеты бомбили, и мне железка вот сюда прямо в бок попала, — на глазах у нее выступили слезы. — Больно так, как горячим углем прижигает. Быстрее карандаш давайте, помру я, наверное. Нарисую, что видела.

В пальцы девочки лег химический огрызок, Шубин подхватил планшет и пристроил на нем лист:

— Давай, Варя, ты говори, я буду помогать рисовать.

С трудом появилась первая линия, потом вторая. Девочка выдохнула:

— Это в документах было у немцев, я посуду, когда собирала, успела рассмотреть. Возле Ивни строят укрепления, аэродром между Белой и Ракитным. — На белых

губах выступила кровавая пена, но девочка продолжала говорить, вцепившись изо всех сил в карандаш. — Тут вот ящики какие-то сложили, мы ночью с мамой сходили прочитали надписи — это тротил. Немцы хотят идти на Курск. Это точно, я всю неделю слушала их разговоры, они при мне не боялись говорить. Думали, дурочка деревенская.

По лбу покатались крупные капли пота, каждое слово давалось Вале все с большим трудом, она на глазах теряла силы. Ростов бросился в соседнюю комнатушку, где гремели инструменты и звучали короткие отрывистые приказы врача. Он схватил за плечо хирурга в окровавленном переднике:

— Доктор, девочке, которую в лесу нашли караульные, помогите ей. Ей совсем худо, надо спасти. Что надо — сахар, еды, хлеба? Как ей помочь? Нельзя ей умирать, она же линию фронта перешла, она — важный источник информации о германской операции. Помогите ей!

Врач покачал головой, глаза под очками стали печальными. Он тихо объяснил:

— Поздно, воспаление слишком сильное. Никакие лекарства не помогают, операция тоже не спасет. У нее серьезное ранение легкого, рана инфицировалась, пока она шла через лес. К сожалению, никаких шансов выжить. Мы больше ничем ей помочь не можем.

Когда Ростов шагнул обратно к кровати Вари, Глеб сжимал маленькую ладошку и кивал. По лицу его текли непрощенные горькие слезы от того, что Варвара уже почти в забвении повторяла одну и ту же просьбу:

— Маме помогите, сестренкам. Помогите. Освободите от немцев дом мой, прогоните фашистов.

Багровые пузырьки закипали в уголках рта, от каждого произнесенного слова девочка захлебывалась собственной кровью и все же продолжала умолять, не отрывая черных огромных глаз от лица разведчика:

— Помогите им, освободите нас от фашистов. Прогоните немцев, обещаете?

— Я обещаю, милая, обещаю. Ты такая молодец, ты смелая. Ты нам очень помогла. Я обещаю, маме твоей расскажу про

твой подвиг, всем расскажу. Я... все сделаю, освободим, мы поганой метлой их выметем.

Варя мелко задрожала, выгнулась от жгучей невыносимой боли, рвущей ее изнутри, и вдруг обмякла. Тонкие руки вытянулись вдоль тела, лицо разгладилось от гримасы боли, широко распахнутые глаза застыли, глядя в одну точку. Смерть забрала молодую жизнь.

Шубин медленно, словно во сне, собрал планшет, лист со схемой и карандаш. Сбоку промелькнула жилистая женская рука, она сноровисто прикрыла веки умершей девочки:

— Ну все, отмучилась бедняжка. Варюша так вас ждала, повторяла без конца, чтобы разведчиков позвали. Ноги в кровь стерла, по лесам шла до нас. — Санитарка, прощаясь с девочкой, погладила черные пряди и, приподняв полу шинели, прикрыла навсегда окаменевшее личико.

Генерал Ростов, тяжело ступая, вышел из госпиталя, прошел несколько метров и остановился. Рядом в молчании замер капитан. Они оба смотрели на приоткрытое

окно стоящего на взгорье клуба, где все так же мелькали радостные лица, звенели голоса. Вот промелькнули черные волны волос с белым пятном сирени, только перед глазами Глеба стояли черные прядки Вари, которые грязными сосульками, мокрые от убившей ее лихорадки, разметались по гнилой соломе в темном сарае. Генерал вдруг резко развернулся к Шубину и положил ему руку на плечо. Пальцы железной хваткой впились в мускулы под гимнастеркой:

— Я много о тебе слышал, капитан. От Уколова, Попова, твоих бывших командиров. Хвалят тебя все. Умеешь решать сложные задачи. Здесь, капитан, не просто задачка. Ты сам все видел — человеческие жизни на счету. Девочка погибла и еще сотни тысяч погибнут, если гитлеровская армия снова наберет силу и обратно вернется. Нельзя этого допустить. Нам уже поступали сведения, что немцы разрабатывают на Южном направлении операцию. Поэтому я затребовал тебя в армейскую разведку нашей части. Ты сам слышал, Варя подтвердила, что немцы от планов ликвидации Курского выступа

перешли к действиям. У тебя задача повышенной сложности — разведка на территории врага. Собирай группу, переходите линию фронта и возвращайтесь с разведданными. Количество частей, техники, места расположения. Учитывай, что надо отразить не только наступление, а еще подготовить наше движение вперед. Гитлер строит сейчас промежуточные рубежи по линии отступления, используя тактику «выжженная земля». Мирное население — в могилу или в лагерь, все сооружения, дороги, станции, заводы — взрывает, топит, жжет. Поэтому важно узнать каждую деталь в немецком тылу. С помощью добытой информации командование фронта сможет организовать ответное наступление, мы ударим с воздуха, из зенитного орудия по названным разведкой координатам. Через три часа жду тебя с докладом и намеченным маршрутом по оккупированной местности. Ступай сейчас в избу, где раньше жил мельник, прямо по проулку и потом за клуб. Там тебя ждет парнишка, рядовой Воробьев. Побеседуй с ним, приглядись, я планирую тебя отпра-

вить в разведку с этим парнем. Но решать только тебе, подойдет ли напарник или нет. Готов ты к такому, капитан Шубин?

Глеб стоял на протяжении его речи, не отрывая глаз от окна с радостными людьми, потом поднял тяжелый взгляд на генерала. Его больше не переполняла радость и ожидание скорой победы. Злость и ненависть, желание отомстить за замученную Варю, горячая клятва спасти ее родных жгли его изнутри. Шубин кивнул:

— Товарищ генерал, девочка сюда раненая и босая дошла через лес прямо через вражеские части. Значит, это возможно. Поэтому я тоже смогу выполнить задачу, обещаю вам, любыми силами и путями я добуду разведанные, и мы освободим нашу землю от фашистов, полностью разгромим их!

ГЛАВА 2

По дороге к дому мельника Шубина преследовали десятки взглядов, он, как настоящий разведчик, кожей чувствовал пристальное внимание со всех сторон: то скрипнет доска покосившегося от взрывов забора, то мелькнет вихрастая макушка между зеленью кустов, то шлепнет босая нога по отполированному камню за спиной. Свернув за клуб, он прошелся по проулку и растерянно остановился: вместо домов по сторонам тропинки торчали обугленные развалины — все, что осталось от крепких деревенских изб, которые в мирное время колхозники складывали из тесаных бревен и густой глины. Он обвел пожарище взглядом: и где тут ему искать дом мельника? Глеб достал из